

В. В. Радаев

«Если играть, то серьёзно»

Вадим Валерьевич Радаев — доктор экономических наук, первый проректор НИУ ВШЭ, профессор факультета социальных наук, руководитель Лаборатории экономико-социологических исследований НИУ ВШЭ, главный редактор журнала «Экономическая социология». **Электронная почта:** radaev@hse.ru.

Аннотация: Рассказ первого проректора НИУ ВШЭ Вадима Валерьевича Радаева о совместном обучении и работе с Геннадием Семёновичем Батыгиным в Московской высшей школе социальных и экономических наук. Личное интервью проведено О. Б. Солодовниковой.

Ключевые слова: Геннадий Семёнович Батыгин, история российской социологии, методология социальных исследований, научный этос

Для цитирования: Радаев, В. В. «Если играть, то серьёзно» / Интервьюер О. Б. Солодовникова // Пути России. Т. 1. № 2. С. 58–62.

Как состоялось ваше знакомство с Батыгиным?

Как мы впервые встретились с Геннадием Семёновичем я, честно говоря, не помню, но хорошо помню, как мы начали систематически общаться. Это было в Манчестере, когда нас туда забросил Теодор Шанин — для подготовки будущей Шанинки. Надо сказать, что это был уже второй подход к снаряду, первый, в котором я тоже участвовал вместе с Сашей Крыштановским, не удался, институт не возник. И вот уже ко второй команде присоединился Батыгин, и мы оказались в Манчестере, жили в соседних комнатах, ходили в университет как на работу — читали что-то в библиотеке, встречались с коллегами, а назад домой частенько возвращались вдвоём. Шли по длинной Оксфорд-роуд около получаса, обсуждая что-то замысловатое... проблему рациональности, например. Словом, что-то общетеоретическое. Возникшие там связи имели большое значение в дальнейшем. Когда Шанинка была создана, сформировалась «четвёрка» факультета социологии: я имею в виду Крыштановского, Батыгина, Филиппова и меня. В ту пору мы общались уже чаще. Позднее Геннадий Семёнович брал у меня интервью, которое вышло в его «Социологическом журнале» [Радаев, 2000], а вот мне взять у него интервью не довелось, о чём я впоследствии жалел.

Чем запомнилось это всё углублявшееся общение с Батыгиным?

Если брать нашу «четвёрку», то мы все воспринимали Батыгина как старшего. Он вообще-то и был постарше нас. Однако дело тут не только в возрасте, а в том, что он имел облик старшего, облик мудреца. Сейчас мне заметно больше лет, чем ему, когда он ушёл — что вообще-то ощущается странно и даже дико. Но я всё равно мысленно обращаюсь к нему как к старшему. А в те времена, помню, я мучал его вопросами общего плана, которые были для меня жизненно важными. Приведу пример. Я написал рукопись, текст по теме, очень меня беспокоившей: про принципиальные разрывы между теоретическим и эмпирическим знанием. Я пытался заниматься и тем, и другим одновременно — и этот текст написал для себя, для своего понимания, и не стал его нигде публиковать, что вообще-то для меня нехарактерно: я никогда не писал текстов в стол. Повторюсь, этот текст был для меня принципиальным, но не предназначался для других глаз. Единственный человек, которому я этот текст показал, был Батыгин. И он дал мне важные комментарии.

В ваших воспоминаниях Батыгин предстаёт лучшим кандидатом для неформального, частного научного разговора. Человеком личной беседы.

Он мне рассказывал, что когда-то, в прежние времена, был матёрым публицистом, то есть вообще говоря, умел писать на публику.

А потом бросил, причём по некоторым принципиальным соображениям. И в те годы, когда я его знал, он уже никакой публицистикой не занимался. Мне это близко, потому что это отчасти и моя история. Где-то на заре научной карьеры я публиковался в центральных газетах, когда эти газеты были, потом в деловых изданиях. А сейчас я даже комментарии СМИ не даю, вообще. Много чего произошло и тому много причин, но я вижу в этом и нашу общую эволюцию, вспоминая Батыгина. Что касается личной беседы, то, несомненно, он очень много времени и внимания уделял студентам — это была какая-то недоступная для меня планка. Он был особым преподавателем. Мы все, кажется, учили неплохо, но он от нас отличался. Поэтому, хоть вся наша «четвёрка» пользовалась популярностью у студентов, Батыгин выигрывал даже на нашем фоне: у него всегда, каждый год, было студентов больше, чем у нас.

Какие-то ещё его личные особенности вы запомнили?

Были ещё некоторые привычки, о которых многие знали. Скажем, где-то в районе 7 утра он всегда выходил бегать — в любую погоду и в любой сезон. При том что, как потом выяснилось, у него не всё было в порядке с сердцем: тем не менее, он каждое утро это делал. Такое постоянство мне тоже близко. После спортшколы я тоже периодически бегал, но каждое утро я себя заставить уже не мог. Так что Батыгин и в этом оставался ориентиром.

Если обратиться к его научной биографии, какие тексты, или идеи Батыгина вы считаете значимыми?

Все-таки назвал бы его «Лекции по методологии социологических исследований» [Батыгин, 1995]. Это книга и сейчас стоит у меня на полке, я к ней неоднократно возвращался — буквально, что-то открывал и читал. И какие-то вещи запали надолго, вроде: «Сингулярности молчат». Ещё одна примечательная идея оттуда — что проблема считается сформулированной, если она изложена в одном предложении. Студентам я об этом говорю с завидной регулярностью.

Поскольку у вас был период интенсивного общения с Батыгиным, поделитесь, пожалуйста, характерными эпизодами, связанными с тем же Манчестером или последующей работой в Шанинке, в которых участвовал Геннадий Семёнович.

Расскажу об одном даже не эпизоде, а факте, о котором многие не знают и который, скорее всего, не ассоциируется с личностью Геннадия Семёновича. Он как раз связан с Манчестерским периодом, серединой 1990-х годов, когда мы там жили-работали. В то время ста-

ли появляться первые, в меру сложные, компьютерные игры. И он всерьёз увлёкся тем, что называется авиасимулятором, а точнее — он летал на военном истребителе. Как это выглядело? Мы сидели и работали в библиотеке или за компьютером, вечером я заходил к нему, чтобы вдвоём отправиться домой, а он играл. Причём как все серьёзные люди — а Батыгин был серьёзным человеком — он и играл серьёзно. Он гордился своими успехами, потому что долетал там до чина полковника, а это был максимально возможный уровень. Замечу, что эта игра не была примитивной даже по сегодняшним меркам, и от «лётчика» требовалось много внимания и ловкости. Я думаю, что сочетание серьёзности и человеческих увлечений столь же любопытно, сколь и правильно. Ещё один эпизод связан уже со второй половиной 1990-х годов. Замечу, что запоминается ведь часто не самое важное, а просто то, что запоминается: память — специфическая штука. И тут у меня в голове осталась такая картинка. Идёт большая общероссийская школа общественных наук, в которой я координирую социологическое направление. Веду группу социологов, приглашаю лекторов, одним из них был, конечно, Геннадий Семёнович. Он прочёл свою знаменитую лекцию о том, что такое социология. Основной тезис прост: социология — это то, чем занимаются социологи. Хотя я к тому времени слышал эту лекцию примерно 5 раз, мне всё равно было интересно — он хорошо умел подать материал. Но когда всё закончилось, я всё-таки пристал к нему с вопросом: «Ну хорошо, Геннадий Семёнович, социология — это то, чем занимаются социологи, мы уважаем Вашу позицию. Но не могли бы Вы что-то ещё важное добавить к сказанному? Чем социологи, например, отличаются от других, не-социологов?». Он немножко подумал и сказал: «Ну, например, мы все евреи». Это было несколько неожиданно. Я его тут же спросил: «Геннадий Семёнович, а как быть? Я, например, вот, не еврей». Он тогда повернулся ко мне со своей характерной усмешкой и спросил: «Разве?». Даже зная его энное количество лет, я всё равно не мог понять, когда он говорит серьёзно, а когда шутит. А точнее, это происходило одновременно: он и говорил серьёзно, и шутил. Это было связано с характерной для Батыгина особой встроеной иронией. Иронию я, кстати, считаю чуть ли не самым важным личностным качеством человека.

Коллеги иногда отмечают, что Батыгин оставил после себя не так много научных трудов, и в основном потому, что уделял внимание другим вещам — обучению студентов или изданию журнала. Как вы полагаете, это была осознанная жизненная стратегия?

Мне тоже казалось, что он знал намного больше, чем излагал. И что в последний период он писал меньше, чем в предыдущие. Я думаю, он что-то понял. Это частое академическое стремление: люди,

которые много знают и понимают, становятся аккуратными в высказываниях. Хотя и тут возможны разные стратегии. Я, хоть в целом согласен с Батыгиным, всю жизнь вёл себя иначе. Мы ведь очень разные люди, с разными бэкграундами, хоть и солидарны в базовых принципах, и хорошо понимали друг друга. Я всегда считал, что профессионал должен работать, и работу доводить до конца, в нашем случае, — до текста. За очень небольшим исключением, о котором я уже говорил выше, я старался быть результативным и публиковался, как полагаю, с точки зрения Батыгина, непозволительно много. Он же стремился меньше публиковаться и больше вкладываться в социологическое знание, а именно: в студентов и журнал. Формирование и поддержание знания, а не продвижение собственных мыслей было его главной задачей. И такая позиция достойна уважения.

Литература

1. **Батыгин, Г.С.** Лекции по методологии социологических исследований: Учебник для студентов гуманитарных вузов и аспирантов. М.: Аспект Пресс, 1995.
2. **Радаев, В.В.** «...Заниматься неутилитарными вещами» // Социологический журнал. 2000. № 3–4. С. 186–200.